

Даша Холмс

и тайны Овощного ордена

Ефим Семяшкин

**Даша Холмс и тайны
Овощного ордена**

«Автор»

2026

Семяшкин Е.

Даша Холмс и тайны Овощного ордена / Е. Семяшкин —
«Автор», 2026

В Огородном королевстве овощи вели себя образцово: тыквы зрели, редиска краснела, а морковь не претендовала на власть. С людьми дело обстояло сложнее. Имперский сыщик Даша Холмс приезжает в Тихую Пристань с дерзким намерением две недели ничего не расследовать. В её планах — река Отдохнувия, чай и книга о птицах. Но у судьбы, как водится, свои планы. Причём составленные без согласования. Здесь закрытые шлюзы открываются сами собой, с карт исчезают дома, а таинственный Орден Четырёх Садов заботится о всеобщем благе так усердно, что кое-кто рискует остаться без собственного. К счастью, рядом Евфимий - человек, умеющий выращивать деревья, чинить сломанные вещи и замечать то, что порой ускользает даже от лучших сыщиков. Это добрая, остроумная сказка-детектив о тайнах, человеческих слабостях и чувствах, которые растут незаметно, словно весенний сад. Ведь иногда самое важное открытие ждёт не в конце расследования, а за соседней чашкой чая.

© Семяшкин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ефим Семяшкин

Даша Холмс и тайны Овощного ордена

Человеку, с чьим появлением

на душе стало светлее.

Дождевые облака, впрочем, уверяют,

что и сами собирались расходиться.

Эта сказка знает, кому обязана солнцем.

И почему на берегу Отдохнувши

понадобились две чашки.

Даша Холмс и тайны Овощного ордена

Глава первая

Отпуск с видом на реку

На третьей странице путеводителя по Огородному королевству было сказано, что здешний воздух располагает к праздности. На четвёртой помещалось расписание пароходов, из которого следовало, что к праздности здесь располагает также всё остальное.

Даша Холмс сочла это хорошим знаком.

Она стояла у борта «Ласточки» и смотрела, как за поворотом открывается город. Ветер трепал выбившуюся из-под шляпы прядь цвета золотой пшеницы. Невысокие дома теснились вдоль пристани; за ними поднимались черепичные крыши, стеклянная спина оранжереи и башня с часами. Стрелки показывали без четверти три. На воде лежали широкие полосы света. Бельё в прибрежных садах шевелилось так лениво, словно тоже приехало в отпуск.

Отдохнувшая оказалась просторной рекой. В столице Даша несколько раз видела её на картах, где она была синим извилистым росчерком, удобным для нанесения границ и совершенно непригодным для понимания реки. Теперь за дальним берегом тянулись луга, а над лугами синели лесистые холмы. У самой воды желтели прошлогодние тростники. Из них выплыла утка, провела вдоль парохода шестерых утят и исчезла за кормой, не потребовав ни объяснений, ни документов.

Даша проводила её взглядом.

За последние месяцы такое случалось редко.

В её чемодане лежали два платья, тёплая кофта, книга о речных птицах и служебное удостоверение, завернутое в запасные чулки. Последнее она взяла после долгого колебания. Начальник столичной сыскной канцелярии посоветовал совсем забыть о работе и на прощание вручил три запечатанных письма на случай, если забыть не удастся.

Письма остались дома.

Там же, под кроватью, остались сапоги-скороходы. Даша вспомнила об этом ещё на второй пристани, но решила, что возвращаться за вещью, предназначенной для спешки, в начале отдыха было бы дурным предзнаменованием.

Пароход коснулся причала. Матрос набросил канат на тумбу, трап стукнул о доски, и город занялся прибывшими.

У сходней пассажиров встречал пожилой билетёр в форменной жилетке. Рядом с ним стоял человек с широкими ладонями и держал зонтик, хотя на небе пока было только одно серое облако.

— С возвращением, — сказал билетёр женщине с двумя корзинами.

— Я у сестры была.

— Знаю. Но по инструкции положено приветствовать.

Дашин билет он рассмотрел с обеих сторон, оторвал уголок и спросил:

— Надолго к нам?

— Надеюсь, на две недели.

— Это хорошо. У нас нынче спокойно.

Он сказал это негромко и посмотрел на площадь за пристанью.

На доске объявлений висел большой лист: «Перемирие соблюдается. Рынок работает в обычном порядке». Под ним кто-то приколот записку о пропавшей козе. Бумагу с королевской печатью не закрыли ни на палец.

Даша уже открыла рот, чтобы спросить, давно ли пропала коза, но вовремя взялась за ручку чемодана.

Спокойно — так спокойно.

— Мисс Холмс?

Она обернулась. Её сине-голубые глаза, ясные, как горный хрусталь, широко раскрылись от удивления.

Евфимий стоял у штабеля ящиков и улыбался, щуря голубые глаза. Без столичного сюртука он выглядел моложе: рукава рубашки закатаны, к жилету прилип светлый древесный завиток. В руках он держал узкий деревянный короб с отверстиями. Из одного отверстия торчал маленький зелёный лист.

На мгновение оба замерли, словно встретились не на пристани, а каждый в чужом неожиданном сне.

— Ты? — сказала Даша.

— Я. А ты, кажется, тоже.

Она засмеялась и вдруг почувствовала, как сильно устала за дорогу. До этой минуты усталость держалась где-то в плечах, и Даша считала её весом чемодана.

Евфимий поставил короб на ящик.

— Давай сюда.

— Он не тяжёлый.

— Тогда мне будет легко.

Он взял чемодан, не став ждать продолжения знакомого спора.

В последний раз они виделись в столице, в кофейне напротив сыскной канцелярии. Даша тогда объясняла, почему ей непременно нужно отплыть на остров вечерним судном, а Евфимий молча передвигал к ней тарелку с пирогом. Пирог она съела, судно успела догнать и впоследствии так и не написала обещанного письма.

— Я собиралась тебе написать.

— Знаю.

— Откуда?

— Ты всегда собираешься.

В его голосе не было обиды. От этого ей стало немного стыднее.

— Дело закончилось? — спросил он.

— Да. У дворянских домов острова теперь временно закончились законные поводы ненавидеть друг друга.

— А незаконные?

— Я в отпуске.

— Понял.

Он поднял короб и повёл её с пристани.

— А ты давно здесь?

— Пятый день. Думал приехать на три, посмотреть семейный дом и сад. В саду нашлось работы на месяц.

— Что у тебя в коробке?

— Бук.

Даша заглянула в круглое отверстие. В неглубокой плошке росло дерево высотой в две ладони. Ствол изгибался над мхом, ветви уже оделись нежными листьями. У корней белел камешек.

— Ему не тесно?

— Если ухаживать, нет.

— А если захочет стать большим?

Евфимий посмотрел на неё.

— Тогда придётся найти ему другое место.

Они перешли площадь. У булочной спорили о цене на муку; на углу девочка учила маленького рыжего мальчика свистеть через травинку. Пока получался лишь тонкий шипя-

щий звук, но оба были настроены решительно. Из открытого окна пахло яблоками и нагретым деревом.

После столицы город казался удивительно невысоким. Небо было видно, не запрокидывая головы. Даже ратуша старалась не заслонять соседям солнце.

К пристани сбегала булыжная мостовая с травой между колеями. Наверху белели каменные дома; ближе к воде теснились деревянные крылечки и садовые калитки.

У поворота Евфимий остановился, пропуская тележку с досками. Её вёз крепкий мужчина в потёртой кожаной безрукавке. Заметив Евфимия, он кивнул.

— К пристани? — спросил Евфимий.

— К нижним садам. Настил после прошлого дождя разошёлся.

— Людей хватает, Кассиан?

— До вечера хватит. А вечером посмотрим, сколько у нас останется вечера.

Он поглядел на запад. Серое облако разрослось; из-за крыш поднимались новые.

— У тебя крыша как? — спросил Кассиан.

— Держится.

— Это она при тебе держится. За ней глаз нужен.

Тележка застучала дальше. На задней доске осталась аккуратно привязанная лопатка: Кассиан явно не любил терять инструменты.

За площадью улица пошла вдоль узкого канала. По одной стороне стояли дома с крылечками; горшки теснились на перилах, между домами виднелись садовые калитки. По другой тянулся низкий парапет над неподвижной тёмно-зелёной водой. На западном конце канала виднелась каменная арка с дощечкой «ЗАКРЫТО».

— Это от реки? — спросила Даша.

— Луговая протока. Через неё берут воду для нижних садов. Там шлюз.

— А почему закрыт?

— После дождей река поднялась. Матвей с утра опустил затвор. Хороший смотритель, зря не откроет.

Евфимий показал на вывеску впереди. На ней три ивы склонились над чайником, причём средняя явно пыталась заглянуть внутрь.

— Тебе сюда. У Аграфены тихо.

— Я здесь заказала комнату.

— Значит, путеводитель ещё не совсем устарел.

Хозяйка «Трёх ив» встретила их с полотенцем на плече и таким видом, будто ждала обоих. Это оказалось почти правдой.

— Комната готова, — сообщила она Даше. — Окно в сад, умывальник не капает. Евфимий, раз уж ты здесь, посмотри потом защёлку на ставне.

— Вчера же смотрел.

— Она вчера и сломалась. Сегодня ещё нет.

Аграфена была высокой женщиной с седой прядью над виском. Ключ она держала на шнурке вместе с маленькими ножницами; когда нагибалась, ножницы звякали о латунный номерок.

В комнате действительно не капал умывальник. На подоконнике стояла синяя чашка с ранними садовыми цветами. Даша потрогала покрывало, открыла окно и некоторое время просто слушала: вдали били молотком, внизу Аграфена звала кого-то забрать забытый шарф, а из-за канала доносилось кваканье.

Ничего из этого не требовало её участия.

Она сняла дорожную шляпу.

Когда Даша спустилась, Евфимий сидел за столом у окна. Короб был раскрыт, маленький бук стоял рядом с чайником. Кто-то положил возле площадки мокрую тряпицу.

— Твой чемодан наверху, — сказал он. — Я подумал, ты захочешь сначала умыться.
— Спасибо.

На столе были хлеб, творог и яблочное варенье. Евфимий налил ей чай и подвинул варенье. Ложку оставил справа, как она любила.

Даша заметила это с некоторым удивлением. На острове она помнила расположение семнадцати дверей, трёх потайных лестниц и одного весьма неудобного окна. А кто-то всё это время помнил, с какой стороны ей удобнее брать ложку.

— Что? — спросил он.

— Ничего.

Она намазала хлеб творогом.

Дождь начался, пока они обсуждали, можно ли две недели совсем никуда не торопиться. Сначала капли лишь обозначили себя на стекле. Потом за окном потемнело, и Аграфена встала закрывать ставни со стороны двора.

Евфимий вышел ей помочь.

Даша осталась у стола, раскрыла книгу и прочла одну строчку про зимородка. За окнами прибавилось воды. Кто-то пробежал по улице, прижимая к груди свёрнутый коврик. Над крышей ратуши сверкнуло так ярко, что на миг стали видны все черепицы.

Гром ударил почти сразу.

В коридоре хлопнула дверь.

— Столичную дорогу у оврага размыло! — крикнул вошедший. — Пешком ещё можно, с телегой никак.

Аграфена ответила что-то про сухие носки.

Даша посмотрела на книгу. Зимородок предлагал узнавать себя по быстрому полёту и яркому оперению. Для существа, не обязанного никуда являться в срок, это был завидный набор достоинств.

Водосточная труба за окном захлебнулась. На подоконник поползла тонкая струйка.

Даша положила книгу повыше.

Через минуту со двора донёсся треск.

Она вскочила раньше, чем успела подумать о служебном удостоверении.

За открытой дверью косо стояли полосы дождя. Канал, ещё недавно неподвижный, нёс ветки и сорванные листья. Между домами и садами был перекинут узкий пешеходный мостик; теперь его край просел, а перила торчали над водой под острым углом.

На уцелевших досках сидела невысокая женщина. Одной рукой она держалась за стойку, другую прижимала к боку. Через плечо у неё висела кожаная сумка.

Евфимий уже бежал к каналу.

— Не на мост! — крикнула Даша.

Он остановился у самого края. Снизу ударила волна. Из-под настила вывернулась доска и исчезла под аркой соседнего мостка.

— Нога! — крикнула женщина. — Зажало!

Даша оглянулась.

— Верёвка есть?

Аграфена стояла за её плечом. Без единого вопроса она сорвала с крюка у сарая моток, который, судя по опрятности, берегла для какого-то более приличного случая.

Даша передала конец Евфимию.

— За иву. Дважды.

Он обвёл верёвку вокруг ствола и сел на корточки, упираясь пятками в камни дорожки. Даша затянула петлю у себя на поясе, легла на доски и поползла. Вода била по пальцам. Под щекой пахло размокшим деревом.

— Смотри на меня, — сказала она женщине. — Как тебя зовут?

— Анисья.

— Я Даша. Сумку пока отпусти.

— Там списки. Кому муку привезти. У них в нижних домах всё отсырело, а я...

Мостик дёрнулся.

Даша замерла. Сзади натянулась верёвка.

— Я держу, — сказал Евфимий.

Не крикнул. Голос она услышала сквозь дождь, и от этого стало легче разжать пальцы.

— Анисья, — повторила Даша, — если нам повезёт, мы вытащим и сумку. Но сначала тебя.

Женщина кивнула.

Даша дотянулась до ремня, стащила его с худенького плеча и повесила сумку на выступавший гвоздь. Потом нащупала доску, прижавшую ногу.

Одной рукой её было не поднять.

— Евфимий, мне нужно чуть дальше. Пол-локтя. Дашь?

Верёвка ослабла ровно настолько, насколько она попросила.

Даша подползла ближе, упёрлась плечом и толкнула доску вверх. Анисья вскрикнула, дёрнулась — и нога освободилась.

— Теперь ко мне. Обними за шею.

За спиной послышался голос Аграфены. Она кому-то отдавала короткие распоряжения. Верёвку потянули. Даша помогала ногами, стараясь не думать о том, что последняя опора под настилом тоже может не выдержать.

У берега её подхватили под руки.

Анисья оказалась совсем лёгкой. Русые волосы прилипли к вискам; на запястье у неё был медный браслет с потёртой застёжкой, а на рукаве — старательно зашитая прореха.

Она вцепилась в Дашину куртку и никак не могла разжать пальцы.

— Всё, — сказала Даша. — Земля.

Анисья посмотрела вниз.

— Вижу.

И заплакала.

Аграфена укутала её в шерстяной платок. Подошедший возчик помог донести женщину до кухни. Евфимий тем временем выловил сумку длинным крюком: гвоздь всё ещё держал ремень, хотя доска уже раскачивалась в воде.

Даша сидела на дорожке, глядя на свои руки. Пальцы дрожали. На тыльной стороне правой кисти из неглубокой царапины выступила кровь.

Евфимий присел рядом.

— Встать сможешь?

Она кивнула, но не двинулась.

Он не стал её торопить.

В окне кухни уже зажгли свет. Там кто-то придвинул стул к печи. Анисья что-то говорила Аграфене; слова терялись в шуме воды.

— Я хотела отдохнуть, — сказала Даша.

— Знаю.

— И почитать про птиц.

— Книга не промокла.

Она повернулась к нему и коротко засмеялась. Только теперь удалось вдохнуть как следует.

Евфимий подал ей руку.

На кухне пахло горячим молоком и мокрой шерстью. Аграфена поставила таз, принесла чистую тряпицу и велела Даше не лить воду с рукавов на пол, потому что пол и без того сегодня держится из последних сил.

У Анисьи распухла щиколотка. За лекарем уже послали. Сумка лежала на табурете; её хозяйка время от времени касалась пальцем кожного клапана, проверяя, что тот никуда не делся.

Евфимий вернулся из зала с плошкой. Бук оказался в безопасности. На его листьях блеснули две капли, принесённые с Евфимиева рукава.

— Матвея кто-нибудь видел? — спросил он.

Аграфена покачала головой.

— Ключникова? После обеда не заходил. А что?

Евфимий не ответил. Он подошёл к окну, за которым темнела протока.

Даша вытерла руки и встала рядом.

На дальнем конце улицы белела дощечка над шлюзом. Даже сквозь дождь можно было разобрать слово. «ЗАКРЫТО».

Даша посмотрела на проплывавшую ветку.

Потом на следующую.

Днём она запомнила план из путеводителя: река на севере, вход в протоку западнее гостиницы, нижние сады на востоке. Сейчас ветки плыли от шлюза к садам. Вода поступала из реки, и с каждой минутой её становилось больше.

— Двор тоже заливает? — спросила она.

— Пока только дорожку, — ответил Евфимий. — Но отсюда вода туда идти не должна.

— Указатель мог сломаться?

— Мог.

— А затвор заклинить?

— Тоже мог.

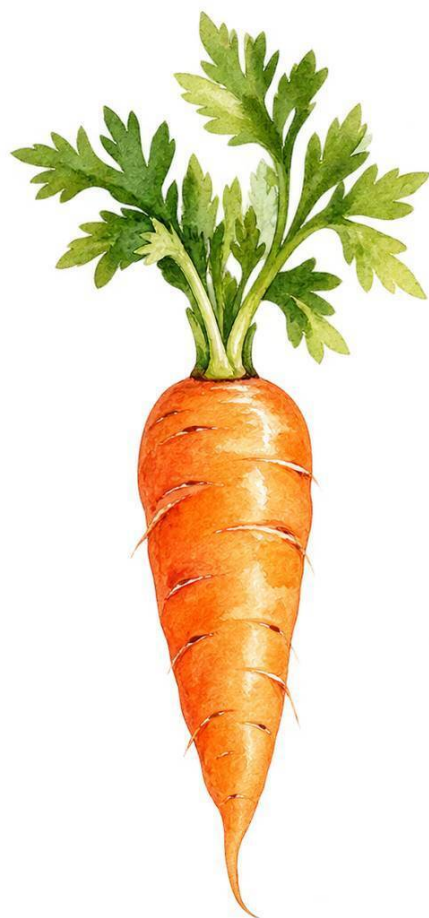
Даша ещё немного постояла у окна. За её спиной Аграфена попросила Анисью не вставать. Женщина ответила, что ей нужно предупредить тех, кто живёт ниже по каналу.

— Мы предупредим, — сказал Евфимий.

Даша повернулась к нему.

— Фонарь найдётся?

Он снял с крючка второй плащ. На этот раз Даша взяла его без спора.

Глава вторая

Вода без разрешения

Фонарь нашёлся в чулане, между корзиной с прищепками и зимними башмаками Аграфены. Хозяйка отдала его Евфимию, подержала пальцем дверцу и убедилась, что защёлка вошла в паз.

— Огонёк заговорённый, дождя не боится. А дверцу всё равно закрывай. В прошлый раз один постоялец решил, что заклинание заменяет стекло.

— И что?

— Стекло теперь новое.

Евфимий поднял фонарь. За мутноватым окошком горел ровный жёлтый свет.

Даша тем временем перевязывала ладонь. Узел не получался: намокшая ткань скользила между пальцами. Евфимий поставил фонарь на стол и молча протянул руку. Она отдала ему концы тряпицы.

Анисья сидела у печи, вытянув повреждённую ногу. Теперь, в сухом платке, она выглядела старше, чем на мостике. У виска серебрилась прядь; из-под воротника виднелась тонкая цепочка.

— Отсюда сначала вниз, к белой калитке, — сказала она. — Там Прасковья. Потом два дома за поворотом. У кузнечного сада есть ступени, по ним подниметесь к большой улице. По низкой дорожке сейчас нельзя.

Даша смотрела на пятно от чашки, пока мысленно укладывала поверх него улицу и канал.

— А к шлюзу?

— По большой улице обратно на запад, — ответил Евфимий. — Крюк небольшой.

— Тогда сначала дома.

Анисья кивнула.

— Скажите, что от Петрушевской. Меня там знают.

— Петрушевская — это ты?

— Анисья Петрушевская. Простите, я как-то не представилась толком.

— На мосту было неудобно, — сказала Даша.

Анисья улыбнулась, но тут же поморщилась: нога снова заболела. Аграфена поправила у неё под пяткой сложенное полотенце.

— Я сторожу скажу, — добавила хозяйка. — Пусть поднимет людей. Только без пожарного набата, а то понесут лестницы вместо мешков.

— И лекаря не забудь, — сказал Евфимий.

— Его уже ищут. У него тоже крыша.

За порогом ветер ударил Даше в лицо. Она опустила голову, придержала капюшон и сразу почувствовала, как вода просачивается в ботинок.

Днём здесь виднелись резные подзоры крылечек и горшки у дверей. Теперь фонарь выхватывал только мокрый угол стены, железную петлю, край скамьи. На побелке дрожали тени Даши и Евфимия; стоило миновать дом, как они распадались в темноте. Река гудела где-то дальше. Канал шумел ближе, резко и неровно, словно в воде постоянно что-то ломалось.

Евфимий шёл со стороны протоки. На повороте он придержал Дашу за локоть.

— Здесь третья плита качается.

Она переступила через неё. Спросить, откуда он помнит плиту, собиралась уже на следующем шаге, но увидела под ногами глубокую тёмную щель и промолчала.

На белой калитке висел железный колокольчик. Даша позвонила. За дверью дома что-то упало, слышались шаги.

— Кто там?

— От Анисьи Петрушевской. Вода поднимается. Нужно выйти на большую улицу.

Дверь приоткрылась. Пожилая женщина в мужском пиджаке посмотрела сначала на Дашу, потом на Евфимия.

— А я предупреждала, что мостик чинить надо.

— Ты предупреждала, — согласился Евфимий. — Прасковья, у тебя внизу кто-нибудь есть?

— Кот. Но он на комоде.

— Возьми кота. И то, без чего нельзя обойтись до утра.

Прасковья оглянулась в дом. По выражению её лица Даша поняла, что за семьдесят лет безусловно необходимых вещей могло накопиться немало.

— Документы, тёплая одежда и лекарства, — уточнила она.

Вода уже лизала нижнюю ступеньку. Евфимий подвязал калитку, чтобы не хлопала, и пошёл к соседнему дому.

Прасковья появилась через несколько минут. На одном плече у неё висел мешок, под мышкой был зажат полосатый кот. Из мешка торчала деревянная ручка.

— Сковорода? — спросила Даша.

— Материна.

Даша сняла у неё мешок с плеча.

Кот, в отличие от хозяйки, полностью одобрял предложение покинуть дом. Он вцепился в пиджак, спрятал нос под воротник и не издал ни звука.

У поворота они встретили Кассиана. Тот нёс на плече доску, прикрывая ладонью лицо от дождя. За ним шли двое подростков с пустой тачкой.

— Мост ушёл? — спросил он.

Евфимий кивнул.

Кассиан выругался негромко, без удовольствия.

— Я до него не добрался. У нижнего настила сваи повело, пришлось там задержаться. Анисья где?

— У Аграфены. Жива, ногу зажало, но вытащили.

Кассиан закрыл глаза на мгновение. Доска качнулась у него на плече.

— Отнесёшь Прасковьин мешок? — спросила Даша. — И проверьте дома за поворотом. Нам нужно к шлюзу.

Он опустил доску в тачку, взял мешок и подозвал подростков.

— Сначала наверх, к лекарской лавке. Там сухо. Потом — к сараю, за цепью. Воротной, длинной. Евфимий знает, где.

Последние слова были сказаны уже ему.

— Думаешь, понадобится?

— По воде вижу. Давай глянем.

С большой улицы город выглядел иначе. На пригорке горели окна, под навесом булочной толпились люди, кто-то передавал из рук в руки пустые мешки. Двое мужчин торопливо сби-вали с дощатого щита старое объявление, чтобы использовать доски. Крупное слово «ПЕРЕ-МИРИЕ» покачивалось на одной оставшейся петле.

Из подворотни вышел сторож с колотушкой. Увидев Евфимия, он задержался, выслушал и побежал дальше. Вскоре с верхнего конца улицы донёсся частый сухой стук.

Даша машинально считала освещённые окна. Одно, второе, третье — здесь люди ещё не спали, здесь могли впустить соседей. Она сбилась на раскрытых дверях пекарни: оттуда вышла девочка, которую днём видела на площади. Девочка несла одеяло, а рядом шагал тот самый рыжий мальчик, прижимая к груди пару сапог, слишком больших для него.

— Сейчас закроем, — тихо сказала Даша.

Евфимий посмотрел на неё.

— Постараемся.

Она кивнула. Он был прав: обещать ещё было рано.

У входа в протоку улица поднималась. Здесь вода стекала по камням к реке, а сам шлюз находился ниже, за короткой лестницей и решётчатой калиткой. Служебная галерея тянулась над деревянным затвором. По одну сторону темнела Отдохнувия; по другую, под аркой, пенился тесный поток.

Даша остановилась у калитки.

Сверху всё казалось простым. Дощечка белела над каменной опорой. Под ней мокли железные тяги. Но у нижнего края затвора, куда Евфимий направил фонарь, вода шла сплошной светлой полосой.

— Пол-локтя, — сказал он. — Может, чуть меньше.

— Он поднят?

— Да.

Она присела, чтобы посмотреть вдоль галереи. Указатель был устроен просто: тонкая тяга должна была поворачивать дощечку вслед за движением затвора. Теперь её нижний конец висел свободно. На соседнем кольце блестела вода.

— Посвети выше.

Евфимий поднял фонарь.

Кольцо было пустым.

Ничего больше она пока не могла определить. Небольшой палец, соединявший тягу с затвором, мог сломаться или выскочить. В темноте легко было принять царапину за след инструмента, а тень — за трещину.

— Табличка отдельно, затвор отдельно, — сказала Даша. — Ты знаешь этот механизм?

— Сам не чинил. Матвей здесь каждый болт помнит.

— В сторожке свет?

— Нет.

Галерею тряхнуло от удара плывущего бревна. Даша встала.

— Тогда ждём его здесь, на камне. Ворот пока не трогаем.

Евфимий поставил фонарь в нишу стены, так, чтобы он освещал и лестницу, и калитку.

Кассиан подошёл через несколько минут. Следом двое подростков втащили цепь, завернутую в мешковину. Железо глухо стукнуло о ступени.

— Нижние дома обходят, — сказал мастер. — Прасковья в лавке. Кота с прилавка не согнать.

Он протиснулся к решётке и долго смотрел на ворот. Даша ждала.

— Странно, — сказал он наконец. — От дождя оно само так не поднимется. Но я сперва Матвея спрошу.

— Где его искать?

— Если дома нет, на водоспуске. Только зачем ему туда сейчас...

На большой улице показался всадник. Лошадь шла неровно, вскидывая голову; человек в седле держался с трудом. При виде фонаря он натянул поводья, спешился и едва не упал на мокрых камнях.

Евфимий успел подхватить его за плечо.

— Матвей!

Смотритель пах конским потом и холодной водой. Капюшон сбился, по щеке шла полоска грязи. Он сразу увидел белую дощечку.

— Низину проверили?

— Людей выводят, — ответил Евфимий. — Что с воротом?

Матвей отдал повод Кассиану и спустился к калитке. Ключ на связке не сразу попал в замок. Когда наконец повернулся, смотритель откинул решётку и повис над ограждением, разглядывая цепной барабан.

— Дайте свет.

Евфимий поставил фонарь у его руки.

Матвей выругался почти теми же словами, что Кассиан у мостика. Затем сдвинул плечом кожух механизма; тот не поддался.

— Поднимали, — сказал он. — После меня поднимали.

— Ты когда ушёл? — спросила Даша.

Смотритель обернулся, заметив её впервые.

— А вы кто?

— Даша Холмс. Сейчас — человек, которому нужно понять, можно ли опустить затвор.

— Можно. Если тормоз держит. Но в такой воде я ему верить не стану.

Он ещё раз наклонился к барабану и выпрямился.

— Кассиан, поможешь? Вторую цепь на скобу, ту, что в камне. Потом с ворота нагрузку снимем. По звену отпускать будем. Руки под рычаги не совать.

Даша отступила к калитке. Здесь распоряжался человек, который знал, как устроена вода в этом месте, и лучшим её действием было не мешать.

Она держала фонарь, пока трое мужчин заводили запасную цепь. Кассиан всё время что-то спрашивал; Матвей отвечал коротко, иногда проверял пальцами то, что нельзя было увидеть. Евфимий стоял у каменной опоры и принимал натяжение, когда смотритель подавал знак.

В первый раз ничего не произошло.

Во второй цепь звякнула так резко, что Даша невольно прижала локоть к груди. Металл медленно пополз по скобе. Затвор опустился на несколько пальцев.

Шум воды изменился.

— Ещё, — сказал Матвей.

Пальцы на перевязанной руке начали мёрзнуть. Даша переложила фонарь в левую и посмотрела на Евфимия. С его подбородка стекала вода. Он заметил её взгляд, коротко кивнул, но ничего не сказал.

Третье звено пошло легче.

Через некоторое время под аркой осталась узкая белая полоса. Полностью опустить щит не удавалось: внизу что-то мешало. Матвей прислушался, покачал головой и велел закрепить цепь.

— До утра так. Под щит сейчас никто не полезет. Уменьшили — уже хорошо.

Евфимий вышел с галереи последним, придерживая калитку. Даша только теперь поняла, что всё это время стояла с поднятым плечом. Она опустила руку, и фонарь качнулся почти до колена.

Кассиан попросил одного из подростков сбегать к нижним домам и узнать, как там вода. Матвей снова подошёл к ограждению. Он смотрел на указатель с таким выражением, будто тот был старым знакомым, которого поймали за мелкой, особенно обидной ложью.

— В полдень всё цело было, — сказал он.

— Почему ты уехал? — спросила Даша.

— Предписание. На Старой гати якобы затвор разошёлся, срочно нужен смотритель.

— И разошёлся?

Матвей покачал головой.

— Там затвор на зиму снят. Я дошёл до сторожки, нашёл мельника. Он говорит: никуда не посылал, всё у него в порядке. Пока разбирались, дождь дорогу взял. Пришлось лошадь в обход вести.

— Бумага сохранилась? — спросила она.

Матвей потянулся к карману, но остановился.

— В клеёнке. Сейчас всё порву, руки не слушаются.

— Тогда у Аграфены. Сначала согреемся.

Смотритель всё ещё смотрел на неё с вопросом.

Даша вздохнула.

— Я имперский детектив. Приехала отдыхать.

Он провёл ладонью по лицу.

— А я по бумаге уехал. Вот ведь.

Больше он ничего не спросил.

Подросток вернулся с Кассиановым молотком, который кто-то нашёл у нижнего настила, и вестью: вода поднимается медленнее. Из двух домов успели вынести постели. На большой улице пекарь раздавал горячую воду. Стало ясно, что до утра продержаться можно, если не оставлять канал без присмотра.

Кассиан остался у шлюза. Матвей запер калитку, проверил замок и отдал ему фонарь, который вынес из сторожки. Евфимий привязал лошадь под навесом у булочной, договорился о сене, и они пошли обратно.

Дождь поредел. Капли срывались с водостоков поодиночке, и между ними стали слышны шаги. Над крышами проступила рваная серая полоса неба. Вода в протоке всё ещё несла листья, но ветки больше не ударили о стены с прежней силой.

Возле «Трёх ив» Даша заметила, что дорожка в саду скрыта на две ступени ниже крыльца. До кухонного порога оставалось немного, однако вода стояла ровно. Аграфена встретила их, глянула на следы на полу и на этот раз ничего не сказала.

Лекарь уже побывал. У Анисьи была тугая повязка; хозяйка сообщила, что кость цела, но ходить ей пока запрещено. Саму Петрушевскую устроили в маленькой комнате рядом с кухней. Там за закрытой дверью кто-то негромко разговаривал.

Матвею дали сухую рубаху и миску супа. Первые несколько ложек он съел, не поднимая головы. Потом достал из внутреннего кармана плоский свёрток в клеёнке.

Даша дождалась, пока он развяжет тесёмку.

На стол лёг небольшой лист. Нижний край потемнел от воды, зато печать сохранилась. Смотритель осторожно разгладил бумагу двумя пальцами.

Вверху стояло название водной канцелярии. Дальше следовало предписание немедленно явиться к Старой гати и осмотреть повреждённый затвор. Слова «до наступления непогоды» были подчёркнуты.

— Кто передал? — спросила Даша.

— Посыльный с площади. Мальчишка. Я его знаю в лицо, он у нас приглашения разносит. Велели, говорит, отдать в руки.

Даша прочла предписание ещё раз. Подпись принадлежала незнакомому ей человеку; судить по её виду она не могла. Печать выглядела вполне убедительно. Во всяком случае, для человека, который привык доверять печатям своей канцелярии.

— Утром сверим с журналом, — сказала она. — И поговорим с посыльным.

Евфимий поставил перед ней чашку. На блюде лежала ложка, справа.

— Спасибо, — сказала Даша.

Он сел рядом. Впервые за вечер им не требовалось немедленно куда-то идти.

— Я думал, ты спросишь, почему я не отложил поездку до утра, — тихо сказал Матвей.

— У меня же свой шлюз.

Даша посмотрела на его покрасневшие руки.

— Это я ещё спрошу. Когда ты согреешься.

Он кивнул и придвинул к себе миску.

За стеной скрипнула половица, Аграфена вполголоса велела кому-то не тревожить Ани-сю. Даша отодвинула чашку от бумаги. Лист был маленький, всего на несколько строк. Он лежал между ними, сохранив сухую середину под мокрыми краями, и теперь с ним следовало обращаться очень бережно.

Глава третья

Смотритель и чужая подпись

Утром Дашу разбудил скребущий звук.

Несколько мгновений она лежала неподвижно, перебирая возможные причины. Потом за окном сказала Аграфена:

— Эту грязь в огород. Ту тоже в огород. Нет, горшок сперва отдайте мне.

По потолку скользнул солнечный отсвет. Даша села. Плащ висел на спинке стула; под ним темнела лужица, которую кто-то заботливо обложил тряпками. На соседнем стуле лежала нетронутая книга о речных птицах.

Она умылась, сменила повязку и достала удостоверение из чемодана. Запасные чулки выполнили свою охранную обязанность безукоризненно.

На кухне пахло поджаренным хлебом. В открытую дверь тянуло мокрой древесиной и речным илом. Вода отступила от крыльца на одну ступень, оставив на другой аккуратный ряд травинок.

Евфимий стоял у окна и проверял землю в плошке с буком.

— Доброе утро, — сказал он.

— Уже доброе?

— Аграфена нашла все свои горшки. До этого было спорное.

На столе ждали две тарелки. Даша посмотрела на вторую.

— Ты ночевал здесь?

— В зале. Дом цел, я сходил проверить. Потом вернулся: Кассиана нужно было сменить, если Матвей не проснётся.

— Проснулся, — сообщила Аграфена, проходя с ведром. — Ещё затемно ушёл. А вам я велела дать поспать. Смотритель у нас есть, плотник есть. Человек, который ест стоя и бежит, придерживая бутерброд, пока не требовался.

Даша села.

Из соседней комнаты позвала Анисья. Ей понадобились карандаш и сухая бумага: списки можно было разобрать, но часть адресов расплылась. Аграфена понесла ей всё необходимое и заодно ложку, без которой Анисья, по мнению хозяйки, надеялась обойтись до полного восстановления города.

Евфимий придвинул Даше хлеб.

— Сегодня можно идти по большой улице. У лекарской лавки уже сухо.

— А ниже?

— Пока только в лодке.

Они доели молча. Уходя, Даша заметила на его рукаве разошедшийся шов и остановила его у двери.

— Подожди.

Она сняла с края стола булавку и сколола ткань. Правой рукой это вышло неловко. Евфимий не поторопил её и не предложил сделать самому.

— До вечера хватит, — сказала она.

— Тогда вечером постараюсь быть поблизости.

Он произнёс это просто, глядя на булавку. Даша отпустила рукав чуть позже, чем собиралась.

За гостиницей вода отражала перевёрнутые заборы. Выше, на большой улице, уже стучали вёдра, хлопали вытряхиваемые половики. На крыше булочной сидели три воробья. Один долго чистил перо, пока двое других наблюдали за ним с тем вниманием, которого обычно удостоиваются чужие неприятности.

Отдохнувшая оставалась высокой. По широкой бурой воде плыл ящик; чайка опустилась на него, проехала немного и улетела. За рекой светлели луга. Там, где вчера дождь скрывал дальний берег, теперь виднелись серебристые ивы и тонкая колокольня среди садов.

У шлюза Кассиан раскладывал инструменты. Он успел сходить домой, принести ломик и убедиться, что крыша всё ещё требует его внимания.

Матвей встретил их на лестнице. Лицо у него было серое от недосыпа, но руки больше не дрожали.

— Вода держится, — сказал он. — Цепь тоже. Сейчас щепку снизу вытащим.

— Щепку?

— Ветку раздавило о порог. Ночью не видно было.

Запасную цепь закрепили ещё в одном месте. Матвей проверил упоры и только после этого опустил с галереи длинный шест с крюком. Никому спускаться под щит не понадобилось. С третьей попытки он подцепил застрявшую древесину. Евфимий помог вытащить её на камни.

Из-под затвора вышла полоска пены. Щит сел ниже, и шум оборвался так внезапно, что Даша услышала, как на большой улице позвали молочника.

За аркой ещё текла вода, уже попавшая в протоку. Матвей объяснил: быстро она не уйдёт, нужно расчистить нижнюю отводную канаву. Но река больше не подливала новую.

Кассиан перевернул ветку носком сапога.

— Вот это вода сломала. Остальное посмотрим.

Они сняли нагрузку с основного ворота. Кожух поддался не сразу: в щели застрял кусок железа. Когда Матвей наконец поднял крышку, обломок упал на настил.

Он не наклонился за ним.

Даша подошла ближе.

— Что это?

— Стопор. Запор ворота, — ответил смотритель. — Когда щит опущен, я его ставлю. Без ключа рукоять не повернёшь.

Он показал запертое гнездо. Внутри осталась круглая головка; конец штыря был отломан.

Кассиан положил найденную часть на чистую дощечку и развернул к свету. Через большую часть сечения шёл ровный пропи́л. Лишь у края железо было рваным, с коротким загнутым усиком.

— Пилили, — сказал плотник.

— А потом доломили, — добавил Матвей. — Когда ворот провернули.

Даша присела, не касаясь железа. На ровной поверхности виднелись частые параллельные полоски. У сломанного края они обрывались.

— Могло это случиться вчера без человека?

Матвей посмотрел на неё почти сердито.

— Ветка под щитом — могла. Это — нет.

— Давно надпилили?

Смотритель помолчал.

— Не скажу. В полдень я проверял, что заперто. Кожух не снимал.

— Так и запишем.

Даша зарисовала обе части, попросила Матвея показать, где находился обломок, и вернула его отдельно. Головку пока оставили на месте: для неё потребовался бы другой инструмент. Кассиан послал за ним подмастерья. До установки нового запора плотник обещал остаться со смотрителем.

Тяга указателя всё ещё висела свободно. Соединительного пальца не нашли. Даша отметила и это, но причину его исчезновения определять не стала.

Когда они выходили с галереи, Евфимий задержался у бокового бортика.

— Погляди под выступом.

Под выступом камня сохранилась светлая суховатая крошка. Остальные ступени покрывал тёмный речной ил. С верхней дорожки через этот бортик можно было перелезть внутрь, минуя калитку.

— Ты сам здесь не ходил? — спросила Даша.

— Нет. Мы всю ночь носили ил с лестницы. А эта земля похожа на ту, что я недавно видел на доньшках доставленных горшков. Только где именно — надо вспомнить.

Он не стал угадывать. Даша собрала несколько крошек на отдельный лист и подписала место. Остаток накрыли дощечкой, чтобы не растоптать при работе.

Матвей проводил их наверх. Там, подальше от ворот, Даша спросила:

— Почему ты всё-таки уехал?

Смотритель потёр ладонью щёку.

— До гати в сухую погоду недолго. Там весной обещали вернуть затвор. Я подумал: поставили, а мне не сообщили. Бумага из канцелярии, срочная. Свой щит заперт. Думал, управлюсь до дождя.

— Смену вызвал?

— Нет.

Он ответил сразу и посмотрел на нижние сады.

— Надо было.

— Надо, — согласилась Даша. — Даже если приказ настоящий. Во сколько посыльный пришёл?

— После трёх. Я ещё обед не доел. Дождя почти не было.

Даша восстановила вслух порядок событий — от полуденной проверки до их вечернего прихода. Время пропила оставалось неизвестным. Матвей уточнил одну подробность: сначала он убрал инструменты в сторожку, потом оседлал лошадь.

— Мальчика найдёте на площади, — сказал он. — Митя. У него сумка с медной пряжкой, большая для него.

Водная канцелярия занимала угловой каменный дом с узкими высокими окнами. Под карнизом тянулись зелёные потёки, зато ступени были сухими: крыльцо подняли выше улицы ещё при постройке. Теперь на перилах сушили коврик.

На вывеске над дверью было написано: «Тихая Пристань. Управление речных и садовых вод». Евфимий остановился, пока Даша читала.

— Обычно название подходит, — сказал он.

Внутри женщина в нарукавниках переносила тяжёлые книги на сухую полку. Из раскрытого окна пахло сиренью. На подоконнике сушились кисти для клея, рядом лежала разрезанная на ровные квадраты промокательная бумага.

Даша представилась и показала удостоверение. Женщина внимательно прочла его, вытерла руки и назвала себя Марфой Сергеевной, водным писарем.

— Сначала бумагу, потом рассказ, — попросила она. — А то я буду подгонять одно под другое.

Даша подвинула к ней предписание.

Марфа Сергеевна прочла первые строки. Затем посмотрела на подпись и сняла очки.

— Это прежний начальник. Он два года здесь не служит.

— Подпись его?

— Похожа. У нас в старой подшивке можно сравнить. Только я бы не поручилась, что он сам её поставил.

Она достала журнал исходящих распоряжений. Вчерашние записи заняли меньше страницы. Вызова к Старой гати среди них не было. Не было его и на предыдущих листах.

Марфа Сергеевна принесла вторую книгу, с перечнем работ. Затвор гати действительно сняли осенью. Возвращать его пока не разрешали: сперва следовало укрепить опору.

— Кто мог знать об этом? — спросила Даша.

— Мельник, подрядчик, мы. Любой, кто спросил бы.

Подпись прежнего начальника нашлась на старом объявлении о сроках полива. Такие объявления, пояснила писарь, вывешивали на рынке и рассылали большим хозяйствам.

Даша сравнила росчерки. Сходство было заметным; большего она пока утверждать не могла. Печать Марфа Сергеевна тоже не признала с уверенностью: оттиск смазался по краю. Она записала, что управление предписания не выдавало, и согласилась подготовить копии записей для городского старшины.

Пока она писала, Евфимий подошёл к схеме водотоков на стене.

Даша встала рядом. Отдохнувшую изображала широкая синяя линия; от неё отходила Луговая протока. Ниже по листу, на склоне южнее садов, лежал пруд. От пруда к низине тянулся ещё один ход, перечёркнутый короткой чёрной чертой.

— А здесь?

— Старый запасной водоспуск, — ответил Евфимий. — Пруд держит воду для летнего полива. Сейчас тот затвор тоже должен быть закрыт.

— Матвеев?

— Нет, — сказала Марфа Сергеевна. — За ним смотрит Общество королевских садоводов. И за плотиной. Пруд у них в пользовании, а предписания по безопасности выдаём мы. Я сегодня pošлю человека проверить.

Она пометила это на отдельном листке.

Схема показывала только воду и высоты. Дворов, дорожек, маленьких домов Анисьиных соседей на ней не было. Даша обвела пальцем низину, не касаясь бумаги.

— Нижняя отводная канава — здесь?

— Да. Её сейчас расчищают. Это выход из садов. А тот водоспуск — вход из пруда.

Слишком многое вчера скрывали темнота и дождь. Сегодня следовало хотя бы узнать, откуда ещё могла прийти вода.

Митю нашли у булочной. Он стоял на носках и пытался разглядеть, что осталось на верхней полке.

Матвей был прав насчёт сумки: медная пряжка почти достигала мальчику колена.

— Ты вчера носил письмо смотрителю шлюза? — спросила Даша.

Митя повернулся. Посмотрел на неё, потом на Евфимия.

— Я ничего не потерял.

— Матвей получил письмо. Нам нужно узнать, где ты его взял.

— А почему он сам не спросит?

— Смотрит за шлюзом.

Это объяснение Митя принял. Даша предложила сесть на скамью у стены, где не мешали покупателям. Евфимий принёс им по тёплой булке, но мальчик свою пока держал в ладонях.

Он получил письмо в приёмной Общества королевских садоводов. Вчера ему поручили разнести приглашения на собрание. На столике у двери лежала связка по городским адресам; сверху — сложенный лист для Матвея Ключникова.

— «В личные руки», — сказал Митя. — Снаружи написано было. Я и отдал в руки.

— Кто положил его в связку?

— Не видел. Я пришёл — уже лежало. Домоправительница сказала: городское забирай, загородное не трогай. Я городское взял.

— Она письмо читала?

— Не знаю. Она за списком пошла, кому уже отнесли.

Даша попросила рассказать весь путь. Митя перечислил аптекаря, два двора возле рынка и вдову, которой приглашение не понадобилось, потому что она сама собиралась высказать всё, что думала о поливе. До шлюза он дошёл после третьего удара часов. Матвей сидел у сторожки, рядом стояла миска.

— А потом?

— Потом к портному. Он там шьёт им... — Митя показал на приглашение в сумке. — Кто на собрании выступает, тот заказывал новое. Только он не успел. Меня послали сказать.

Евфимий уточнил имя портного и адрес. Даша запомнила: хотя бы часть пути можно было проверить у людей, занятых вполне обычными делами.

Она показала Мите предписание, оставив обломок стопора в сумке. Мальчик узнал лист по пятну чернил у сгиба.

— С ним что-то не так? — спросил он.

— Его не выдавали в канцелярии.

Митя опустил глаза на булку.

— А я сказал, из управления.

— Потому что так было написано?

Он кивнул.

— Ты доставлял письмо, Митя. Теперь ты помог узнать, откуда оно пришло. Если вспомнишь ещё что-нибудь, приходи в «Три ивы». Только сам никого не отслеживай.

— Я умею незаметно.

Евфимий посмотрел на сумку, которая звякала пряжкой при каждом движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.